

Владимир Токмаков

ЛЮДИ ИЗ ЦВЕТОЧНОГО ГОРШКА

Отрывок из романа

Я вошел в большую, с высокими облаками комнату.

Теперь его книги пахли лекарствами. Да, так они мне и запомнятся — прекрасные книги с тревожным запахом больницы. Будто книги болели вместе с хозяином.

— Провинциальная журналистика — это ад, — говорит Мэтр. — Но стать писателем в провинции это медленное самоубийство. — И чуть помолчав: — Этот путь я прошел от начала до конца.

«Может, М. сослани в нашу дыру искупать грехи? — думаю я. — Интересно, свои или чужие? Зло тоже может быть во благо...»

Мэтр почти не выходит на улицу. Кроме меня и сиделки, похоже, никто у него не бывает.

— Деньги, слава, женщины... — сипит он. — А сейчас бы сорвать огурец с грядки, помыть да с наслаждением съесть.

— Вам купить огурцов?

Он слабо машет:

— Ощущение счастья не купишь. Я сейчас как тот чеховский доктор, помнишь? Который хотел крыжовник выращивать. Пусть кислый, но свой.

Полусидя в постели и со свистом дыша дырявыми легкими, он смотрит в окно на дождь, на пустынную улицу, на мокрую дорогу и огромный тополь без листьев.

— Это дерево одной ногой в моей могиле, — мрачно шутит он.

Его глаза, как две тусклые пуговицы, прячутся в мешках под глазами.

Он ничего не хочет видеть, хотя прекрасно видит все.

— Был выбор, как у всех: в пропасть или в клетку, — говорит он. — Я выбрал клетку. Что теперь жаловаться?

Долго молчит, глядя на дождь.

Обычно я всегда поддакиваю ему — либо молчу. Мы пьем из чайных чашек армянский коньяк. Это его любимый коньяк еще с застойных времен. На самом деле пью только я, а он только трогает чашку губами.

Он:

— Сталинские годы... Я предавал, меня предавали. Зато живой. И сверлит пристальным, злым взглядом.

Я не осуждаю — это его жизнь. Как бы ты сам поступил? Поднажми на тебя, припугни голодом и побоями? Что, не отрекся бы? Чтобы выжить, спасти семью?

Комплекс известного писателя, живущего в провинции, окончательно испортил его характер. Капризен, раздражителен. Не говорит, а вещает. Злится, если с ним спорят. Но я люблю бывать в его трехкомнатной «малосемейке». Так называли элитные дома, в которых жило «мало семей».

Я перехожу из комнаты в комнату — словно из эпохи в эпоху. Картины, золотые корешки дореволюционных изданий, антикварная мебель.

Мне кажется, его квартира — это лабиринт, из кухни в ванную целая вечность. Огромный кабинет — дополнительные метры полагались как члену правления Союза Писателей.

Жены сбегали от него, хотя когда он знакомился, то производил впечатление бунтаря, борца с системой. А на самом деле был человеком умеренных взглядов. Покритиковать власть на кухне — пожалуйста. Но чтобы открыто выступить?

— Вы их любили?

— По-разному, — он оживает, — в кого-то влюблен, пару раз страсть. Но это все, как говорят ученые, химия. Страсть — химия. Настоящая любовь вне тела. Секс не важен в отношениях. Когда начинаешь это понимать, ты повзрослел.

М. изучающе глядит на меня:

— Я никогда не понимал женщин. Я считал их по-житейски мудрее и взрослее мужчин. На их умении прощать держится мир. Женщина поможет тебе понять что-то важное.

И вдруг меняет тему:

— Ты кричал, что ты гений, почему перестал верить?

— Никому это не нужно.

— Гомер тоже никому не нужен. И Пушкин. Но почему именно ты опустил руки?

Я и сам не знаю почему. Уныние, апатия. Страх. Да мало ли...

Я познакомился с ним в восьмидесятых. У Мэтра была прекрасная библиотека, но давал он книги неохотно. Записывал в тетрадку: кому, когда, на сколько. Притворялся народником, хотя на самом деле был западником, городским жителем. Говорил:

— Просвещать народ? Мы тогда сдохнем с голоду или утонем в грязи.

На встречах с читателями признавался, что его любимый фильм — эпопея о войне «Освобождение». А дома смотрел Тарковского, Годара, Антониони.

— Я живу в своей России, я сам ее создал, — повторял он.

И жил неплохо, надо сказать — печатал «производственные» романы. Талантливые инженеры, трудовой подвиг. Конфликт хорошего с лучшим.

— Сегодня Россия — это музей памятников советской эпохи, и каждый из нас ходячий экспонат. Хотите увидеть новую Россию? Приходите лет через триста. Хотя, скорее всего, это будет Китай.

Я искренне любил этого старика. Прощал ему все. У него были уши-вареники, пальцы-сосиски, лицо старого циника. Он говорил обо мне гадости, впрочем, как обо всех.

— Старость, старость. Смотрю в зеркало и думаю, неужели это случилось со мной?

По дому он ходит в шортах и футболке. Белые носки и старые синие шлепанцы. Шаркает. На носу очки с зелеными стеклами. Когда-то носил шевелюру, как у Маркса, сейчас на голове ленинская лысина в родимых пятнах. Вещает:

— Потеряться можно, если отстал. А можно — если зашел слишком далеко.

Это он о себе, что ли?

Смеется, пока не заходится в кашле.

Вспоминаю первый визит — молодой поэт в поисках учителя.

Мэтр протягивает рукопись:

— Выброси и никому не показывай.

Я обиделся, но он был прав— стихи были беспомощными. А я-то считал, что поэзия это смысл моей жизни. Как жить дальше?

— Пиши детективы. Начнешь сейчас, к сорока пяти станешь богатым.

Он забросил несколько таблеток в рот и запил водой.

— Раньше я садился за книгу, как за руль гоночного автомобиля, и писал, словно отказали тормоза.

Он снимает с полки экземпляр.

Пишет:

«Творя реальность, не забывай верить в сказку, и тогда сказка станет реальностью, а реальность сказкой»

Ему хорошо рассуждать, он побывал и там, и тут.

А я?

— Интерес теряется ко всему...— говорит он.— Может, так и должно быть. Великое милосердие времени. Чтобы не так страшно умирать было.

Его биография похожа на фальшивую бороду провинциального актера.

— Мой дед по матери Иван Прохоров основал Всероссийский Союз Евангельских Христиан. В двадцатых эмигрировал в Германию. Дед по отцу, поэт-суриковец Матвей Степнов, основал в Москве книжное издательство. После 1905 года семнадцать раз привлекался к суду за публикацию «экстремистской» литературы. В девятьсот четырнадцатом сослан сюда. Искренне приветствовал революцию, а в 1933-м умер в пересыльной тюрьме НКВД.

М. берет с прикроватной тумбочки несколько папок. Пожелтевшие вырезки и черно-белые фотографии. Ксерокопии и полуслепые машинописные страницы.

— ...Передать тайные знания через простые инструменты, например, сказку или шаманское камлание... Первоисточники... Истина в этих притчах...— бубнит он.

Какие еще притчи?

Я беру листки и читаю:

«Он превращал воду в молоко, а молоко — в облака».

«Он говорил на девяти языках одновременно, и его язык имел девять концов, как жала змеи».

«В одной руке он держал цветы, в другой меч, в третьей плетку. В четвертой радугу, в пятой цветущий посох, в шестой — новый великий завет».

«Один глаз его смотрел в прошлое, другой в будущее, а третий — в сердце каждого, кто ему повстречается».

«Женщинам он явился мужем, мужчинам — прекрасной женщиной, детям — мудрым стариком, старикам — заботливым юношей».

«Он не был богатырем. Но рядом с ним каждый становился сильным, он не был храбрецом, но пожавший его руку навсегда становился мужественным».

«Он учил любить, никого не отвергая, и привечать отверженных, чтобы они научились любить».

Я переворачиваю страницу:

«Он сказал каждому: “Брат”. И в этих словах было больше родства, чем в кровном родстве. Он сказал: “С нами Мир”, а всем слышалось “Бог”, он сказал: “Бог”, а все услышали “Любовь”».

«Он был весел, потому что люди разучились смеяться, и он показал вновь, как это — быть счастливым, просто потому, что ты живешь».

«Его имя означает “существующий вечно” или “появившийся из ничего”. Он “рожденный из своей собственной вечности”».

«Белый Бурхан вернулся — благая весть разнеслась не из уст в уста, а от сердца к сердцу».

«Он явился, чтобы утешить обиженных, поддержать слабых и наказать Зло.

А Зло теперь было на каждом шагу.

И Белый Бурхан сказал — отныне я в вас, а вы во мне. Вы теперь — тысячерукий, тысячеголовый Белый Бурхан, у которого тысяча тысяч горячих и благородных сердец — и отныне вас невозможно убить».

«Якши».

«В начале времен, создав этот мир, он смазал своей кровью священный шест и полез на небеса. Человек устремился за ним, но шест был слишком скользким, и человек остался на Земле, ожидая второго пришествия Белого Бурхана».

«И он пришел».

«Якши!»

Я кладу листки и вопросительно смотрю на М.

Он кивает:

— Единственная известная цитата из «Запретной Книги Бурхана». Слышал о Бурханостане? Нет?

Я пожал плечами:

— В универе я слышал историю про пастуха. Чет Чепланов. Он и его дочь встретили в горах всадника на белом коне. Это был Бельгий Бурхан, и он дал им завет. С тех пор они стали называть себя бурханистами. Вы об этом?

Он молча смотрит в аквариум.

Рыбки — единственная живность в его доме.

Я помогаю ему встать. Он крошит сухой корм.

— В этой книге есть ответы. Займись, может тебе повезет. «Повезет в чем?»

Я глянул на потрепанные папки:

— Вы в это верите?

Он стряхнул остатки корма:

— Я держал эту книгу в руках, сынок.

Я опубликовал часть материалов о бурханистах в нашей газете, а на следующее утро мне позвонили из органов.

— Здравствуйте, Глеб Борисович. — Голос был ровный. — Нас заинтересовала ваша статья. Мы хотели с вами встретиться.

Я согласился и тут же перезвонил Мэтру.

Он усмехнулся:

— Говорят, в Бурханостане есть «грязная» ядерная бомба.

— Что?

— Вали все на меня, — перебил он. — Ты ничего не знаешь, это обычная архивно-историческая публикация. Данные взяты из открытых источников.

Он помолчал.

— Но лучше тебе убраться из города.

— Что???

Я перечитывал заголовок в газете, которая лежала перед глазами.

— Я познакомлю тебя с хорошими людьми, — сипит в трубку Мэтр, — свяжешься с археологом Черкесовым. Он живет в Академгородке. Потом встретишься с профессором Мальцевым. Он на пенсии, работает в окружной библиотеке. Они тебе все расскажут.

М. закашлялся и отключил сотовый.
На следующий день его не стало.

Одна из черных старух положила покойнику в рот большую серебряную монету, а вторая проколола ухо и вдела медное кольцо.

Меня это поразило.

— Это старухи-обручалки, — прошептал отец Михаил, сухопарый, с косматыми бровями и бороденкой священник. — М. не верил в загробную жизнь и заранее обговорил ритуал.

— А вы что здесь делаете? — вырвалось у меня.

— Как что? — Он искренне удивлен. — Я-то верю.

Помолчали, глядя на старух.

— Это что-то языческое?

— Цыганское.

Борода отца Михаила щекочет мне ухо:

— Так хоронят цыганских баронов.

Моросит мелкий косой дождь. Сквозит, будто где-то на небе забыли закрыть створку.

«В молодости меня окружали красавицы, — говорил М. — Так откуда взялись эти ужасные старые женщины?»

Все они пришли к тебе на похороны, мой дорогой М.

— Он уснул навеки, подложив под голову чистую совесть... Истинно народный талант... пример служения русской литературе... к его произведениям не зарастет...

Курю я редко, но сейчас именно такой момент.

Не могу это слушать.

Дождь продолжал, народная тропа раскисала.

Какое высокое небо над нами.

Поминки проходили в огромной советской столовой с крашеными синей краской стенами и грязными, затвердевшими от пыли тюлевыми занавесками. Озябшие и вымокшие, гости быстро зашумели. Зашумели, задвигали стульями. То там, то тут стал прорываться женский смех. Зазвучали шумные разговоры.

«Я думал, с годами друзей будет больше, — любил повторять М. — А вышло наоборот».

Вот они, эти твои «друзья».

Так и слышу его насмешливый голос: «Ресторан “Лодка Харона”».

«Господа, у нас самообслуживание...»

Длинный стол с белой скатертью сверху застелен клеенкой. Блины, кутя.

Две работницы столовой разносят куриный суп и гуляш с картофельным пюре. Много дальних родственников с одинаково бегающими глазами. Женщины разного возраста — бывшие жены, любовницы. Дочери, внучки, племянницы. Пузатые очкастые мужики в костюмах, похожие на чиновников. Журналисты с опухшими лицами, коллеги-писатели, которые его ненавидели. Представители партий, общественных организаций, ветеранских союзов... Мэтр смеялся над ними, а они считали его своей эпохой. Вот что делает с человеком долгая жизнь.

Пришедшие все громче говорили, смеялись и даже флиртовали. Грохнулась ваза для фруктов; кто-то пьяным голосом просил слова, его никто не слушал. Возбужденные разговорами о смерти, люди жаждали тепла.

— Ты что такой напряженный?

Ко мне наклонился полный, с прилипшими ко лбу волосами человек с депутатским значком.

— Расслабься! — Он налил водки. — Покойный был большим мудаком, и многие пришли, чтобы порадоваться его смерти. Как там сказал классик? Жил человек — сволочь сволочью, а помер — и посмотреть приятно. — Он громко засмеялся и хлопнул меня по плечу.

И тогда решил сказать я. Налил себе. И выпил. И встал.

Но все продолжали шуметь.

Тогда я принялся колотить по бутылке.

Тогда они замолчали.

— Природа не терпит пустоты, — я обвел сидевших взглядом, — и отсутствие Мэтра зарастет сорняками.

Пауза.

— Этот сорняк вы.

Почему я так сказал? Ведь я не был его поклонником.

Но сейчас, увидев эти рыла, я понял, что мы единомышленники.

— Знаете, что он говорил о народе?

Пауза.

— О котором вы столько тут кричали?

От злости я покрылся пятнами.

— Народ, который не борется за свою свободу, живет, как скот, скотом и подохнет. Ни жалости, ни сострадания он не заслуживает.

Я снова оглядел лица.

— Что такое полноценная жизнь? Откуда вам знать. Низкая культура, неразвитость ума и духа — вот на чем держится любая тирания.

Я снова сделал паузу.

Зачем я приплел тиранию?

С этого момента в зале установилась гробовая тишина.

— А может, оно и к лучшему, — я махнул рукой. — Знали бы вы, в каком дерьме живете. Знал бы ваш народ...

— Заткнись! — Это очнулся мужик с депутатским значком. — Ты оскорбляешь наше общество! — Он с шумом отодвинул стул. — Нашу законную власть! Наш народ. — Кажется, он вошел в роль. — Да, именно народ, его подвиг, его победу! Всех тех, кто спас мир от «коричневой» чумы. Кто ты такой, чтобы...

— Я тот, кого тошнит от вас! — крикнул я. — От вас и ваших бедных, которые не хотят быть умными. От ваших богатых, которые не хотят менять мир. Меня тошнит от ваших тупых царьков, таких единственных и незаменимых. От ваших дурацких партий, где «левые» это «правые», а «правые» это гребаные «левые»...

То, что меня снимают, выяснилось потом, когда видео появилось в Интернете. А пока скандал разгорался. Сидевшие за столом протрезвели. Кто-то уже пробирался к выходу; кто-то звонил в полицию; официантки столпились в дверях и стояли, прижав салфетки ко рту. Большинство же продолжало молча, как загипнотизированные, меня разглядывать.

Я оперся руками о стол:

— Я не знаю, что должно произойти, чтобы русский человек понял... — мысли мои путались, — ... да-да, все вы, идеологические работники, платные болтуны и пройдохи... чтобы он перестал верить в доброго царя и злых министров...

— Заткнись! Пусть он замолчит! Закрой свой поганый рот!

Тут уже заговорили все разом.

— Да он нажрался!

— Есть в зале мужчины?

— Кто-нибудь остановит этого подонка?!

Я смял и отшвырнул салфетку:

— Нищие, озлобленные, тупые уроды... Как после вас уважать людей?

Какая-то женщина разрыдалась, меня дергали за рукава.

Я пошатнулся, схватил спинку стула:

— О своих детях подумайте, вы крадете у них будущее... Все вы здесь... Вы... Да пошли вы...

— Господи! — Это всплеснула руками старушка с шиньоном. — Куда катится мир!

Я попытался обнять ее:

— Он стоит на месте, бабуля.

— Гаденыш... — услышал я над ухом.

Это был спортсмен и активист народно-освободительного фронта.

Он встал, уронив стул, и схватил меня. Я оттолкнул его. Пуговицы разлетелись по полу, ткань затрещала. Меня ударили, и я до крови прикусил язык. В ухо, в челюсть, в живот — удары посыпались со всех сторон. Я бил в ответ, а потом рывком стянул скатерть.

Посуда сыпалась, как в кино, — со звоном и стуком.

Дамы визжали.

Они вынесли меня и швырнули на землю.

— Подонок, — сказал надо мной кто-то. — Еще ответишь... Я тебя упеку туда, где твою задницу порвут на китайский флаг...

— Хватит с него... — Это сказал другой голос.

Шаги удалялись.

Я лежал в сырой темноте, мои руки все еще сжимали скатерть.

Я перевернулся на спину и беззвучно захохотал, а дождь все так же тихо накапывал с ночных небес, безучастный к тому, что произошло.

Его капли были солеными.

